

Михаил Жванецкий

Рита

В порту «Кларки», то есть американские электро-
кары.

И Рита работала на них.

В порту я, сменный механик, оставлял ее ночью
на хозработах.

В порту мы еще были в самодеятельности.

А порт поехал в подшефный колхоз с концертом
на американском грузовике «Додж» три четверти.

Весна. Дорога в колхоз непролазная.

Но «Додж» шёл по грязи, заворачиваясь, развора-
чиваясь, изворачиваясь.

Боком, задом, но вперёд.

И с нами её бывший муж, Риты, – грузчик знаме-
нитой бригады лауреатов. Тоже в подшефный колхоз.

И в колхозе между ними ссора.

Он чего-то хотел.

Она не хотела.

Он её ударил.

Она устояла.

Чтоб заслонить её, я встал перед ней.

А он сказал мне: «Уйди. Это наши дела».
А я стоял.
А он ударил меня.
И я упал.
Но опять встал, чтоб её заслонить.
И он ушёл.
А все его друзья сказали: «Почему ты его хоть раз не ударил? Хоть разок?».
А я сказал, что никогда этого не делал.
Потом был концерт.
Потом Рита сидела с председателем колхоза.
И выпросила у него для меня козла покататься.
Он дал мне легковой козёл покататься.
Она была красивая.
Она была свободная.
А я никогда на легковой не ездил.
Я катался выпимши.
А она сидела с председателем.
Потом катался еще выпимши.
Потом у меня козла отобрали.
Потом был банкет.
Стол богатый.
И мы поехали в Одессу на чём приехали.
Американский грузовик «Додж» три четверти.
В большой колхозной грязи до города шёл юзом.
Вертелся на грязи, но шёл вперёд, не останавливаясь.
Водитель и «Додж» – фронтовики.

Неважно.
Довезли.
А все мне в порту: «Почему ты его не ударил?».
Надоели.
И вдруг дня через два заявляется этот тип, её бывший муж, и спрашивает, где я.
Он знал, что я на смене, по её смене.
Все на меня указали.
Я думал, убьёт.
Он очень здоровый.
Ну, мешки по доскам.
Но встретил я его на рабочем месте.
А он достал из пакета что-то белое.
– Это тебе. Она мне твой размер сказала.
Это была первая в мире белая нейлоновая сорочка.
Её не надо было стирать никогда.
Помыл, повесил.
Или надел. Она на тебе сохла.
А главное – не убил.
Потом принёс ботинки какие-то, чтоб подарить.
Она ему размер сказала.
Бригада у них знаменитая.
Герои там. Лауреаты Сталинской премии.
Я даже пытался их помирить с Ритой.
Не удалось.
Любила, думаю.
Мы с ней, извините, встречались у меня дома на Комсомольской, после смены.

Мама нас застала.
Утром вдруг зачем-то пришла с работы.
Никто ей не открывал.
Тыкала ключом, бедная.
Вдоль окон по веранде бегала. Стучала.
В окна заглядывала.
Двор затих.
Разглядела всё-таки.
И ушла.
Я её искал три дня.
Маму.
Город перевернул.
Нашлась.
Аж у своей троюродной сестры, с которой не раз-
говаривала два года.
Отца у нас не было.
Умер в шестьдесят семь лет – от войны.
Она на меня надеялась.
Порт нам углём помогал.
Даже в тот колхоз хотели послать меня механиком.
Как её одну оставишь?
Может быть, она Риту не разглядела, но мы с ней
домой уже не приходили.
Маму жалели.
А мама сказала, что раскусила меня, к сожалению.
И в порту меня раскусили.
– Ну, ты мог хоть раз его ударить... Хоть разок.
– Нет, – отвечал я, – не мог.

И перед ними стоял.
И перед ней стоял.
Что тут объяснять...

